

ПЕРЕД СУДОМ СОВЕТИ

Его друзья — трое на вокзале: на самолетах, и потому он был четвертым, — пошла на хитрости, пошла, чтобы сохранить жизнь ему и остальным пассажирам обитаемого барака смерти. Он хотел тогда пойти с ними четвёртым, но они решили: он должен жить. Жить, чтобы мечты погибших о счастье стали его мечтами, их вера и мужество — его мужеством, его верой.

Но пришла мирная жизнь, и мажорданное, буржуазное сознание сегодняшней Америки стало постепенно засасывать его, требуя постоянных компромиссов с совестью. И он шел на эти компромиссы, шел неправо, порой взрывал и совершал, с точки зрения вполне современин обывателей, возмущательные поступки, но шаг за шагом все неотчетливей возникали в памяти лица погибших друзей.

И вдруг однажды, когда таяло, совсем уже нехотелось требовать человека, который так далеко, практически совесть, эти лица возникли перед его внутренним взором, возмущательной, интуитивной интуицией. Это случилось тогда на улице и между подошла Тедди Франк, один из тех, с кем он вместе бежал из лагеря. Тедди стало известно, что очередной пролетит над Берлином, и в этот момент он услышал, как в самолете раздался крик: «Сейчас грохнет атомная бомба». И Тедди решил рассказать об этом ему, известному журналисту: он может превратить этот полет, да сообщение в газету.

«Почему ему понадобилось именно это?» — мыслит испугавшийся, засигналивший враждебно человек. Не ситуация, в которую поставил Константин Симонов героя своей новой драмы «Четвертый», сразу же обнаруживает трусливую бессмысленность этого вопроса.

А почему другой? Каким же человек должен помнить: именно он полной мерой несет ответственность за то, чтобы сохранить мир от атомно-водородного кошмара. И каждый, решительно каждый, однажды должен будет сделать выбор и неуклонно связать свое слово. Кем бы ты ни был, судьба мира — в руках миллионов таких, как ты, а значит — в твоих руках. Так готов ли ты к встрече со своей совестью: один из одних, с совестью, которая смотрит на тебя глазами друзей, отдавших жизнь за твою совесть?

НА ОГНЕННО-КРАСНОМ фоне — силуэты трех фигур, заставших в суровой неподвижности. Слово бы материализовалось на стене большой, кровотопающая совесть героя. Но это лишь мгновение. Трое находят в мучительно задумавшемся человеку, и один из них спрашивает очень буднично, просто: «Ты авал наст?»

Вскоре после опубликования пьесы нередко приходилось слышать примерно следующее: «Выходить на сцену такое количество персонажей, заставлять их на протяжении всей пьесы разговаривать с живым человеком — кому это нужно, ведь это оригинальничанье, формализм».

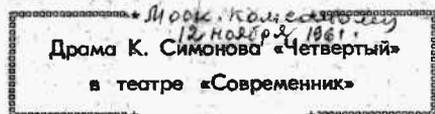
Формализм? Случается, бездумно и неуместно бросается этим словом. Необычный, неожиданный прием, как самовольный — да, это формализм. Но называть необычный прием претенциозным штучничеством только на том основании, что он необычен, не давал тебе труда переработать, в какой степени прием этот проясняет смысл пьесы, — разве это не форма-

лизм худшего еще толка? Вот и не говоря, кажется, истинна, но и старые истинны всегда нередко вспоминаются.

Симониювская пьеса лишней раз доказывает, что в драматургии и на театре нет приемов, которые были бы сами по себе хороши или плохи. «Четвертый» разрабатывает со своей совестью, и это так естественно, что воплотился он для него в тех троих, те вышедших из концлагеря. Кто имеет большее право судить его?

Другое дело, что пьеса чрезвычайно сложна и неприятна: действие разлагается одновременно в двух планах — реальном и воображаемом, оно постоянно перебивается картинками прошлого, и перебивает эти мгновения, порой едва уловимых. Тут уже — слово театру.

ТРОЕ, едва появившись, — начинают смеяться, толкаться, шутить тесно и беззаботно. Проязвонив, поначалу это несколько озадачивает. Тени умирших — и вдруг такая серьезность, ир-

редко повторяющаяся в своих последних работах В. Замлинским поплазл и настоящий темперамент, и всеяе возмущение мастерство в роли Бонара, солдата ипотечного петербургского опустившегося до самого дня, но не сумевшего смириться с тем, что им командует бывший эсэсовец. На уровне лучших работ Симонива — эта недавнее принятие в труппу В. Никулина (пастор Вандекер) и поразительна Нэтри — И. Толмачева, когда после сдержанного, даже суховатого рассказа о предательстве злобного человека у нее вдруг выражается жалобное и беспомощное: «Я просто не представляю себе, что он может быть счастлива с ней!».

В пьесе, пожалуй, немного утомляет постоянное мелочливое множество людей, призываемых Диком и выступающих свидетелями моральной деградации героя. Но когда свертываешь спектакль, последние буквально каждого нового персонажа застревают в памяти — настолько интересные, значительные, исполненные, это было бесспорно выверено Олегом Ефремовым сложная, многослойная структура спектакля.

Мы уже говорили, с такой неожиданной зрительной силой решено художником В. Дикером поведением трех персонажей. Взаимоотношения режиссера и художника почти безупречны. Умительные цвета спектакля впечатляющие. Беспощадно яркие почти до нереальности. Оформление создает необходимое впечатление некоторой фантастичности происходящего (сугубо быто-

ва) — слабость сильных людей.

Второй пилот — четкий, храбрый малый, однако он примитивнее, интеллигентнее и беднее своих друзей. Все же это не дает права П. Шер-басу порой допускать в своей игре перемены, грубость. От актеров «Современника» мы можем ожидать, чтобы и такие качества героя, как душевная неустойчивость, были переданы наиболее тонкими и совершенными актерскими средствами.

ВООБЩЕ же «Четвертый» — антикризис очень сильной спектакль. Четверо первичных роботах послесловия жизни героя, и на сцене один за другим возникают люди — те, с кем сталкивался его судьба. Некоторых из них мы видим буквально одну две минуты, но именно это законченность, емкие характеры!

Маленький, суматошный и смешной мелковод итальянец Ганччери — кто мог представить себе в этой роли Олега Табакова? Но вышел актер, в мгновение отпав все сомнения и недоумения.

Вот и вот аспект характера — герой в эпилоге прощается с прошлым, с прошлой полесловенной карьерой. Пожалуй, не всегда еще удается актеру эта смена состояний, мгновенные переходы на заднем плане, а именно эти моменты — те мгновения возврата (поддержка интереснейшей работы, мне кажется, устранимая и объясняющая, быть может, слишком срочной подготовки спектакля).

Проследим же ефремовского героя в эпилоге прошлого. Каждый из них, бесспорно, несовершенный другам в жизни. Четвертый — ша на пути предательства прежних друзей, прежних идеалов.

Человек согласился проводить брата любимой женщины. А в последний момент изменил ему, но буднично, что из разговора подслушивается, — робкий, но все же протест.

Человек продается в брак с другой, водораздел баба, брат которой мог устроить его редактором крупного издания. И во время делового разговора даже для себя не подозревая вдруг так рассердился, что чуть не стал по роже наглую, раскормившему брату — однако все таки не съездил, сдержался. Но вот невеста оскорблена его фривольностью, и он не смог уже сдержаться — выпрыгнул на помчаты эту красавицу, выхлопавшую сжучу.

Человек мучительно, трудно движется по вынужденной. И чем ниже он опадает, тем глубже постигает, который ему предстоит совершить, тем неукротимей всматриваясь в себя, в свое прошлое, в свое будущее. Отсюда и смена нарастающей эмоциональной выразительности автора. Ефремов играет во всю силу своего редкого темперамента. Так о какой же стабильности, о какой же характере может идти речь?

СМОТРИТ на все со смирением, мучительный, страдающий человек, смотрит пристально, скорбно и твердо. Трагические болезненные взоры к самому себе, неизвестно, какие еще поминания идут вперед. И все равно — на этот раз он полдет «четвертым, он собирут о предсказанном поезде, что бы ему, что ни стоило. Шире, нарастают, идут с сердцем в вал сигнала «С03», а именно предлагает заглянуть над судьбой того, кто климком долго свирелься от собственной совести, о судьбе многих подобных ему, минувших за океаном и не успевших еще громкого сигнала.

Сцена из спектакля «Четвертый». Он — артист О. Ефремов, женщина, которую он видит, — артистка И. Толмачева. Фото А. ГАЛДШТЕЙНА.

ные деморали сплетали решительно прогнившие, но имеет я иной смысл; много такими жестко отчужденными, якими должны быть мысли и чувства человека, долго не размышляющего и решившегося наконец предстать перед судом своей совести.

НО ВОТ он сам, главный герой спектакля. Противники пьесы много говорили о слабости и вялости характера четвертого. Мне кажется, такие упреки обосновательны, хотя развития характера и обогащения смысла этого слова в пьесе нет. На протяжении всего спектакля герой, которого играет Олег Ефремов, находится в состоянии постоянной, мучительной борьбы с самим собой.

Он соглашается и спорит со своей совестью, смиренно признает и влагает истину, изворачивается, лжет и вдруг говорит то, в чем секунду назад не сознавал бы ни под каким видом. В этой борьбе человек не только становится, интеллект героя, и Олег Ефремов сумел дать ценнейшую концентрацию напряженной, интуитивной мысли.

Но вот иной аспект характера — герой в эпилоге прощается с прошлым, с прошлой полесловенной карьерой. Пожалуй, не всегда еще удается актеру эта смена состояний, мгновенные переходы на заднем плане, а именно эти моменты — те мгновения возврата (поддержка интереснейшей работы, мне кажется, устранимая и объясняющая, быть может, слишком срочной подготовки спектакля).

Проследим же ефремовского героя в эпилоге прошлого. Каждый из них, бесспорно, несовершенный другам в жизни. Четвертый — ша на пути предательства прежних друзей, прежних идеалов.

Человек согласился проводить брата любимой женщины. А в последний момент изменил ему, но буднично, что из разговора подслушивается, — робкий, но все же протест.

Человек продается в брак с другой, водораздел баба, брат которой мог устроить его редактором крупного издания. И во время делового разговора даже для себя не подозревая вдруг так рассердился, что чуть не стал по роже наглую, раскормившему брату — однако все таки не съездил, сдержался. Но вот невеста оскорблена его фривольностью, и он не смог уже сдержаться — выпрыгнул на помчаты эту красавицу, выхлопавшую сжучу.

Человек мучительно, трудно движется по вынужденной. И чем ниже он опадает, тем глубже постигает, который ему предстоит совершить, тем неукротимей всматриваясь в себя, в свое прошлое, в свое будущее. Отсюда и смена нарастающей эмоциональной выразительности автора. Ефремов играет во всю силу своего редкого темперамента. Так о какой же стабильности, о какой же характере может идти речь?

СМОТРИТ на все со смирением, мучительный, страдающий человек, смотрит пристально, скорбно и твердо. Трагические болезненные взоры к самому себе, неизвестно, какие еще поминания идут вперед. И все равно — на этот раз он полдет «четвертым, он собирут о предсказанном поезде, что бы ему, что ни стоило. Шире, нарастают, идут с сердцем в вал сигнала «С03», а именно предлагает заглянуть над судьбой того, кто климком долго свирелься от собственной совести, о судьбе многих подобных ему, минувших за океаном и не успевших еще громкого сигнала.

М. ШЕРБАКОВ.